

«СОВРЕМЕННЫЙ ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС ЕСТЬ, В СУЩНОСТИ, КРИЗИС ДУХОВНЫЙ»

Интервью
СТАНИСЛАВА ГРОФА

**Московскому
Психотерапевтическому
Журналу**

Москва, октябрь 2007 г.

Визит Станислава Грофа в Москву в октябре 2007г. был долгожданным и радостным событием. Не каждый день нам выпадает возможность встретиться с ученым, работы которого по их исследовательской значимости сопоставляют на Западе с трудами Карла Густава Юнга. Для тех, кто использует холотропную терапию в профессиональной практике или рассматривает трансперсональную психологию как область своих научных интересов, встреча такого рода неоценима. Тем более значимым является тот факт, что 6 октября 2007г. Станиславу Грофу было присвоено звание Почетного профессора Московского Государственного Университета. Это событие – не только дань профессиональным заслугам д-ра Грофа, но и убедительное свидетельство того, что сегодня трансперсональная психология занимает законное место в системе современных научных представлений о человеке, признанное академическим сообществом.

*В ходе своего визита в Москву Станислав Гроф дал интервью Московскому психотерапевтическому журналу. Ниже опубликован полный его текст, в переводе на русский язык, с незначительными редакторскими изменениями. Московский психотерапевтический журнал представлял **Дмитрий Кайев**, психолог, независимый корреспондент издания.*

– Д-р Гроф, наверное, можно сказать, что в настоящее время трансперсональная психология вышла за пределы собственно исследовательской и терапевтической форм деятельности. В связи с этим хотелось бы спросить о статусе трансперсональной психологии как социокультурного феномена в США. Как изменялось отношение к ней за последнее десятилетие? Какие определяющие тенденции Вы можете выделить?

– За прошедшие годы мы провели шестнадцать международных конференций по трансперсональной психологии. В самом начале нашей работы основной акцент мы делали на ясной формулировке основных принципов нового подхода – на признании того, что духовность есть законный и важный аспект человеческой жизни, на включении знаний и мудрости, аккумулированных мировыми духовными традициями, в научную картину мира, а также на концептуальных задачах, возникающих в исследовании необычных состояний сознания. Основной проблемой на этой стадии было согласование идей новой психологии с традиционным научным мировоззрением и его базовыми метафизическими допущениями.

Позже акцент был перенесен на революционные открытия, сделанные в рамках иной научной парадигмы, которые свидетельствовали о возникновении в науке принципиально нового мировоззрения. Трансперсональная психология оказалась вполне совместимой с этими взглядами. Речь идет о философских следствиях квантово-релятивистской физики, впервые обозначенных Фритьофом Капррой, о концепции морфогенетических полей Руперта Шелдрейка, о голографических моделях Карла Прибрама и Дэвида Бома и т.д. Все это продемонстрировало захватывающую возможность для трансперсональной психологии стать неотъемлемой частью радикально новой научной картины мира. Трансперсональные представления вышли за пределы собственно психологии в область междисциплинарных исследований.

В течение последних пятнадцати лет все более очевидной становилась социально-политическая значимость трансперсонального мировоззрения. Стало ясно, что современный глобальный кризис есть, в сущности, кризис духовный, отражающий определенную стадию эволюции сознания человека. Дипломатические переговоры, административные и правовые меры, экономические и социальные санкции, военные вмешательства и другие подобные действия имели мало успеха. На самом деле они принесли больше проблем, чем были призваны решить. Понятно, что глобальный кризис не может быть разрешен с помощью тех же стратегий, которые его и породили.

Публикации трансперсональной тематики все более фокусировались на таких проблемах, как понимание природы насилия и алчности, и мето-

дах, которые могли бы способствовать глубокой духовной трансформации человечества. Помимо прочего, это проявилось в участии в трансперсональных конференциях политических деятелей – Его Святейшества Далай-Ламы, президента Чехословакии Вацлава Гавела, кандидата в президенты Индии Карана Сингха, кандидата в президенты США Джерри Брауна, сенатора от штата Калифорния Джона Васконселлоса, президента Фонда Горбачева в США (Gorbachev Foundation/USA) Джима Гаррисона, духовного активиста из Таиланда Сулака Шиваракши и других.

– Теперь обратимся к специальным вопросам: каковы, по Вашим наблюдениям, типичные трудности и препятствия, с которыми встречается человек, проходящий холотропную терапию? О чем Вы рекомендовали бы этому человеку помнить в трудные минуты?

– Затруднения, с которыми клиент сталкивается в процессе холотропного дыхания или другой работы с необычными состояниями сознания, можно отнести к двум категориям. Первая из них включает различные трудности для принятия эмоциональные и физические переживания, с которыми можно встретиться в ходе терапевтического курса и самоисследования – травматический опыт, полученный в младенчестве, в детстве и в дальнейшей жизни, родовая травма, пренатальные кризисы и множество кармических, архетипических и других трансперсональных элементов. Вторая категория включает то, что мешает встретить эти переживания лицом к лицу – различные формы психологического сопротивления и защиты, которые стоят на пути осознания этого материала и его интеграции.

Говоря об этих проблемах, важно подчеркнуть, что дыхание и музыка сами по себе не создают переживания подобного рода. Они уже существуют в бессознательном клиента и могут серьезно осложнять его жизнь, порождая эмоциональные и психосоматические проблемы, трудности в межличностных отношениях и пр. Вывод этого материала в область сознания, естественно, вызывает временный дискомфорт, но, в конечном счете, оказывается терапевтическим и преобразующим. Именно наиболее болезненные и трудные для принятия переживания зачастую дают самый глубокий и сильный терапевтический эффект, если завершить и интегрировать их надлежащим образом.

Сопротивление может принимать много форм – боязнь потери сознательного контроля, нежелание испытывать эмоциональную и физическую боль и другие виды дискомфорта, страх смерти, страх безумия, тенденцию анализировать материал интеллектуально, а не переживать его непосредственно, и т.д. Не существует какого-либо одного универсаль-

ного способа, позволяющего преодолеть эти сопротивления, – их формы специфичны для каждого клиента. Важно найти источник, причину сопротивления, и помочь клиенту справиться с ним. Если и существует какой-то общий принцип, то он сводится к тому, чтобы помогать клиенту довериться его внутреннему исцеляющему разуму.

– *Что, на Ваш взгляд, является наиболее существенным в работе холотропного терапевта? На что Вы рекомендовали бы ему всегда обращать внимание?*

– Важнейший аспект подготовки терапевтов – их собственный опыт переживания необычных (холотропных) состояний сознания. Наш тренинг для фасилитаторов включает не только теоретическую подготовку, но и множество практических сессий, в ходе которых студенты поочередно выступают в роли клиента и *сумтера*. Решение основных эмоциональных проблем и выработка доверия к собственному внутреннему целепильному началу являются необходимыми условиями подготовки компетентных холотропных фасилитаторов. Когда идет работа с клиентами, очень важно уделять внимание не только их переживаниям, но и своим собственным эмоциональным реакциям на эти переживания. Эти реакции могут помочь выявить те области психики терапевта, которые нуждаются в дополнительной внутренней работе с ними. Как правило, фасилитаторы продолжают работать над собой.

– *Какими рамками ограничивается роль терапевта в холотропной терапии? Допускаете ли Вы, в некоторых пределах, применение терапевтической интервенции?*

– Настоящей бедой современной психотерапии является поразительное разногласие между ее школами в наиболее фундаментальных вопросах человеческой психики, касающихся ее функционирования и основных мотивирующих сил, причин, природы и динамики симптомов, а также в вопросах терапевтических стратегий и техник. Это относится не только к тем психотерапевтическим направлениям, которые исходят из принципиально различных философских допущений, таким как бихевиоризм, психоанализ и экзистенциальная терапия, но и к различным направлениям глубинной психологии, общей основой которых являются оригинальные работы Зигмунда Фрейда, – психотерапевтическим школам Адлера, Ранка, Юнга, Райха, Лакана, эго-психологии и многим другим.

Работа с холотропными состояниями сознания предлагает весьма интересную альтернативу – если эксперты не в состоянии прийти к со-

гласию, то почему бы не довериться нашему внутреннему разуму, нашему духовному целителю? Такой подход был впервые предложен Карлом Густавом Юнгом. Он понимал невозможность интеллектуального постижения того, как функционирует психика, каким образом она порождает симптомы, и как, исходя из этого, разработать технику, которая позволила бы корректировать психические функции. По мнению Юнга, психика не есть всего лишь продукт функционирования мозга; существует космический принцип (*anima mundi*), которым проникнуто все сущее, и наша индивидуальная психика является элементом глобальной космической матрицы. Такой взгляд получил достаточное подтверждение в современных исследованиях сознания.

Интеллект – это только частная функция психики, которая позволяет нам ориентироваться в повседневных ситуациях и решать практические задачи, но он не в состоянии охватить психику целиком или манипулировать ею. Юнг утверждал, что основной задачей терапевта является помощь в установлении динамического взаимодействия между сознательным *эго* клиента и его *Самостью*, высшим аспектом индивидуальности клиента. Это взаимодействие принимает форму диалектического обмена информацией, который осуществляется на языке символов. Исцеление приходит от коллективного бессознательного и направляется внутренним духовным началом, беспредельная мудрость которого превосходит знания любого терапевта или терапевтической школы. В этом состоит сущность явления, которое Юнг называл *индивидуацией*.

Терапевтическая работа с холотропными состояниями сознания, как это можно видеть на примере холотропного дыхания или психоделической терапии, в целом подтверждает юнгианское понимание терапевтического процесса. Однако эти методики гораздо более эффективны, чем те, которые находились в распоряжении Юнга, такие как анализ сновидений или активное воображение. Холотропные состояния имеют тенденцию спонтанно активировать целительные возможности психики и тела, инициировать процесс трансформации, направляемый глубинным внутренним разумом. В ходе этого процесса бессознательный материал, обладающий большим эмоциональным зарядом и значимостью, автоматически проявляется в сознании и становится доступным для полного переживания и интеграции.

Любые терапевтические интервенции фасилитаторов холотропного дыхания имеют один общий знаменатель – они направлены на поддержку внутреннего спонтанного процесса исцеления.

– *Специальный интерес для терапевтов-практиков представляют эпизоды доминирования трансперсональных психодинамических систем*

негативной природы, в частности, одержимость демоническими архетипами. В этом смысле показателен «случай Флоры», упоминаемый в Вашей работе «Путешествие в поисках себя» («The Adventure of Self-Discovery», 1988). Насколько часто Вам и Вашим коллегам приходилось встречаться с подобными ситуациями в ходе холотропной терапии? И что Вы могли бы рекомендовать клиенту и терапевту, если возникла ситуация такого рода?

– Одной из главных опасностей, ассоциированных с трансперсональным опытом, является то, что Юнг называл *психической инфляцией*. Когда архетипические переживания не сопровождаются одновременной капитуляцией *эго*, человек может присвоить себе нуминозность и величание архетипических образов. Например, мы можем пережить опыт идентификации с Иисусом Христом или испытать нашу собственную божественность (то, что в Упанишадах называется *Tat tvam asi*), – вполне обычные переживания в холотропных состояниях сознания – и при этом не осознавать, что подобный опыт потенциально доступен всем. Напротив, мы можем прийти к выводу, что мы какие-то особенные, уникальные – скажем, являем собой Второе пришествие Христа или аватары божеств – и в дальнейшем рассматривать других людей как заурядных, занимающих второстепенное положение по отношению к нам. Естественно, все это заканчивается психиатрической госпитализацией. Когда процесс успешно завершается капитуляцией *эго* и надлежащим образом интегрирован, это оказывает чрезвычайно целительное воздействие и улучшает качество жизни человека. К сожалению, общая психиатрическая практика состоит в удержании этого процесса, с помощью транквилизаторов, на его проблемной стадии, что никоим образом не способствует его завершению.

Помощь клиенту, который испытывает проявления энергии явно демонического свойства, представляет значительную проблему для фасилитатора на холотропной сессии. Такой опыт обычно ассоциируется с повторным переживанием жестокого эмоционального и физического насилия или травмы, которые привели клиента на грань смерти, например, очень тяжелого родового процесса. По мере того, как эмоциональная и физическая экспрессия дышащего становится все более интенсивной, она претерпевает глубочайшие метаморфозы. Первым указанием на это являются изменения в выражении лица и в голосе клиента, которые обретают странные и сверхъестественно жуткие черты. Голос становится низким и скрежещущим, взгляд делается неопишимо агрессивным, лицо искажено спастической «маской злобы», судорога сводит кисти рук, делая их похожими на когти, все тело испытывает огромное напряжение.

Субъективно клиент ощущает в себе чужеродную темную энергию, которая представляется ему злобной и угрожающей. Эта энергия может обладать некоторыми личностными характеристиками и даже быть визуализирована. В таком состоянии клиенты часто затрудняются признать то, что в них могут присутствовать подобные сущности, поскольку опасаются, что окружающие (в том числе и терапевт) начнут воспринимать их самих как зло. Эти опасения не всегда безосновательны. Мы не раз замечали, что ситтеры и фасилитаторы, не обладающие достаточным опытом работы, были склонны отстраняться от клиентов, в которых манифестировались демонические энергии, поскольку эти переживания противоречили их строгим моральным суждениям или вызывали у них метафизический страх. Особенно это характерно для людей, которые были воспитаны в среде религиозных фундаменталистов с весьма строгими, ригидными установками.

Как только становится ясно, что мы имеем дело с демоническими проявлениями, мы даем понять дышащему, что остаемся совершенно спокойными, работая с этими переживаниями, и обладаем достаточным профессиональным опытом для такой работы. Общая стратегия действий состоит в том, чтобы поощрять клиента как можно более полно выражать чужеродную энергию гримасами, звуками и движениями тела. Мы призываем клиента выразить эту энергию, обращаясь к нему с такими словами: «Покажи нам, как это выглядит. Покажи, как это звучит. Вырази это полностью, всем телом». По нашим наблюдениям, некоторые наиболее замечательные терапевтические изменения были результатами правильной работы терапевта и клиента в ситуациях именно такого рода.

– Каковы основные возражения медиков-профессионалов против холотропной терапии? Существует ли действительно объективная и конструктивная критика, к которой следует прислушаться?

– Одной из причин критики является общее для культуры индустриальной цивилизации отрицательное отношение к любым необычным состояниям сознания. В этом смысле мы занимаем уникальную позицию в истории человечества. Древние и доиндустриальные общества высоко ценили необычные состояния сознания, независимо от того, были они индуцированы психоделиками растительного происхождения или немедикаментозными «технологиями сакрального» – постом, депривацией сна, дыхательными техниками, социальной и сенсорной изоляцией, танцами, религиозными и магическими песнопениями, музыкой, ритмикой или переживанием физической боли. Представители упомянутых социальных

групп имели возможность неоднократно переживать холотропные состояния сознания в многообразных сакральных контекстах в течение всей своей жизни. Индустриальная цивилизация патологизировала холотропные состояния, отвергла и даже объявила незаконными любые ситуации и инструменты, которые могут способствовать их проявлению, и выработала эффективные меры подавления этих состояний для тех случаев, когда они возникают спонтанно.

Не только культура в целом не готова к восприятию холотропного опыта, это относится и к представителям помогающих профессий. Для большинства психиатров и психологов терапия означает дисциплинированную, особым образом организованную дискуссию или свободное ассоциирование на кушетке. Интенсивные эмоции и драматические физические проявления в холотропных сессиях кажутся им чем-то слишком близким к тому, что они привыкли ассоциировать с психопатологией. Для них очень трудно представить себе, что подобные состояния могут быть целительными и преобразующими. В известном смысле, индуцирование таких состояний есть нечто прямо противоположное тому, что в общепринятой практике считается терапевтическим, – а именно, подавлению таких состояний, когда они возникают спонтанно.

Ситуация усложняется тем, что многие феномены, наблюдаемые в ходе холотропных сессий, не могут быть поняты в контексте теорий, которые доминируют в академическом мышлении. Возможность повторного переживания рождения или эпизодов из жизни эмбриона, получение правдивой информации исторического и мифологического характера из коллективного бессознательного, переживание архетипических сущностей и кармических воспоминаний или восприятие удаленных событий в опыте пребывания вне физического тела выглядят слишком фантастическими, чтобы обычный профессионал мог в это поверить. Однако те из нас, кто работает с холотропными состояниями и готов радикально изменить свое теоретическое понимание психики и практическую стратегию терапии, способны видеть и по достоинству оценить их громадный терапевтический потенциал, а также исключительную эвристическую ценность.

Существуют определенные риски, связанные с холотропным дыханием, что характерно для любой человеческой деятельности. Однако они могут быть минимизированы, если участники семинаров и тренингов проверяются на предмет эмоциональных и соматических противопоказаний, и сессии проводятся опытными фасилитаторами. Когда мы работаем с клиентами, имеющими серьезные эмоциональные проблемы, риски могут быть значительно снижены, если сессии проводятся в стационаре

и предполагают профессиональное сопровождение клиента в течение 24 часов. Вообще, опасения, связанные с холотропным дыханием, выглядят несколько странными, когда их выказывают профессионалы, спокойно принимающие в качестве лечебных средств электроконвульсивную терапию, инсулиновые комы, психофармакологическую терапию со всеми ее побочными эффектами, и даже психирургию – методы, риск применения которых хорошо известен и является по-настоящему серьезным. В 1949г. португальский невролог Эгас Мониц получил Нобелевскую премию за разработку лоботомии – процедуры, которая практически отсекает фронтальную долю кортекса от остального мозга.

– Насколько сопоставимы, на Ваш взгляд, эффекты от психоделической терапии и техники холотропного дыхания по силе их проявления и стойкости терапевтического эффекта?

– Мне в каком-то смысле трудно сравнивать эти терапевтические модальности. Кристина Гроф и я разрабатывали и применяли на практике холотропное дыхание в ходе наших семинаров, продолжительностью один месяц и менее, в Эсаленском институте в США, на семинарах в других странах, а также на наших тренингах фасилитаторов. Мы не имели возможности протестировать терапевтическую эффективность этого метода теми способами, которыми я мог воспользоваться в ходе моих исследований психоделической терапии. Программа изучения психоделиков Центра психиатрических исследований в Мэриленде хорошо финансировалась и предполагала контролируемые клинические наблюдения, включая психологическое тестирование, и профессиональное сопровождение клиентов в течение шести, двенадцати и восемнадцати месяцев. Такая форма работы остается идеальной для будущих систематических исследований холотропного дыхания.

Независимые исследователи из Америки и Европы проводили изучение эффектов холотропного дыхания по индивидуальным программам и представили обнадеживающие результаты в своих статьях и диссертациях. Работы российских исследователей, которые изучали различные аспекты холотропного дыхания и его терапевтические эффекты, были представлены на профессиональных конференциях и собраны в двух специализированных монографиях, опубликованных под редакцией Владимира Майкова, Юрия Бубеева и Владимира Козлова. Безусловно, требуется намного больше исследований, чтобы узаконить холотропное дыхание в качестве клинического средства. Однако терапевтические результаты часто были столь впечатляющими и столь определенно связанными с весьма специфическими переживаниями, проявленными в ходе сессий, что

остается мало места для сомнений в действенности холотропного дыхания как метода терапии и самоисследования.

Мы видели немало примеров, когда участники наших семинаров и тренингов оказались способны вырваться из депрессии, которая продолжалась несколько лет, преодолеть различные фобии, освободиться от всепоглощающих переживаний иррациональной природы и радикально улучшить свою уверенность в себе и самооценку. Много раз мы были свидетелями исчезновения жестоких психосоматических болей, в том числе мигреней, а также радикальных и долговременных улучшений состояния и даже полного исцеления клиентов, которые страдали от психогенной астмы. Во многих случаях участники семинаров сопоставляли результативность нескольких холотропных сессий с эффектами, которые достигаются с помощью вербальной терапии после многих лет работы.

Мы также неоднократно наблюдали улучшение физического состояния клиентов после снятия телесных энергетических блоков – в случаях хронических инфекций, болезни Рейно и артритов. Наиболее поразительным был случай драматического и продолжительного улучшения состояния при симптомах артериита Такаюсу, воспалительного заболевания неизвестной этиологии, которое поражает аорту и ее ответвления. Это заболевание является прогрессирующим и часто имеет фатальный исход. Данные результаты, хотя они не подтверждены контролируемыми исследованиями, предоставляют достаточные основания для систематического изучения феномена в будущем.

– *Сохраняет ли свое значение концепция измененных состояний сознания, предложенная Тартом («Altered States of Consciousness», 1969)? Какова, на Ваш взгляд, ее объяснительная сила?*

– Исследования Чарльза Тарта были сосредоточены, в основном, на некоторых формальных характеристиках измененных состояний сознания различного происхождения. Его идеи (концепция научения, обусловленного состоянием, теория факторов, стабилизирующих состояние сознания и др.) остаются в силе. Я же в своей работе сосредоточился на содержаниях сознания, находящегося в различных состояниях, и на создании расширенной картографии человеческой психики. Я отказался от использования термина «измененные состояния сознания» (англ. *altered states of consciousness*) применительно к тем категориям состояний, которые несут в себе эвристический, целительный, трансформационный и эволюционный потенциал и достигаются в условиях шаманической практики, обрядов перехода и древних мистерий, а также в ходе буддийских, йогических и христианских мистических практик. Термин «измененные»

(*altered*) предполагает, что речь идет об искаженном восприятии реальности, а не о действительном опыте, дополняющем наше знание о мире и о себе. Я предпочитаю называть такие состояния «холотропными» (*holotropic*), что буквально означает «продвигающийся к целостности».

– *Какие результаты научных исследований в сфере изучения состояний сознания, представленные в последнее время, Вы считаете наиболее значимыми?*

– Наиболее важным мне представляется открытие широкого спектра так называемых «аномальных феноменов» – переживаний и наблюдений, необъяснимых с точки зрения современной психологии и психиатрии. Некоторые из открытий настолько революционны, что подрывают метафизические основы материалистического подхода к взаимосвязи между материей (мозгом) и сознанием. Рамки настоящего интервью не позволяют мне рассказать об этом более подробно; детальные сведения можно найти в моих книгах, в особенности в «Психологии будущего» и «Когда невозможное возможно».

При этом я полагаю, что вдумчивое и непредвзятое рассмотрение данных современных исследований сознания станет для психологии и психиатрии такой же концептуальной революцией, как для физики начала двадцатого века – переход от механики Ньютона к квантово-релятивистской модели. И, в некотором смысле, такая революция в восприятии сознания и человеческой психики будет закономерным дополнением тех изменений, которые относятся к восприятию физического мира.

По существу, нам следовало бы радикально изменить наши представления о психике в контексте таких проблем, как:

- аспекты человеческой психики;
- природа, функция и архитектура эмоциональных и психосоматических расстройств;
- эффективные механизмы терапии;
- стратегия психотерапии и самопознания;
- роль духовности в человеческой жизни;
- природа реальности: космос, сознание, психика.

– *Мне приходилось слышать критику в адрес трансперсональной психологии со стороны представителей религиозных конфессий. Существуют ли, на Ваш взгляд, какие-то принципиальные противоречия между традиционными религиозными мировоззрениями и той картиной реальности, которая сложилась к настоящему времени в трансперсональной*

психологии? Если это действительно так, являются ли эти противоречия разрешимыми?

– Трансперсональная психология в значительной степени базируется на данных современных исследований сознания. Изучение холотропных состояний позволило увидеть духовность и религию в новом свете. Это новое видение связано с тем, что в трансперсональных состояниях можно встретиться с множеством переживаний, очень сходных по содержанию с мистическим опытом мировых религий (видение Бога, а также различных божественных и демонических существ, встречи с бестелесными сущностями, переживание психодуховной смерти и возрождения, пребывание в аду и в раю, переживание прошлых жизней, и многое другое). Поразительно, что содержание трансперсонального опыта может относиться к религиозной мифологии любой культуры, в том числе и такой, о которой переживающий прежде даже не имел представления. Современные исследования показали, что такие переживания, без сомнения, не являются следствием каких-либо патологий мозга, но представляют собой проявления архетипической динамики коллективного бессознательного, то есть нормальные и необходимые составляющие человеческой психики.

Здесь результаты современных исследований сознания смогли подтвердить подлинность духовного опыта – важного аспекта религии. Он важен, поскольку все великие религии начинались с того, что мы сейчас называем трансперсональным переживанием, будь то опыт Моисея, Иисуса Христа, Будды, Мухаммеда или Махавиры. Следует помнить, что речь здесь идет о подлинной духовности, основанной на личном опыте.

Холотропные духовные переживания не имеют религиозной принадлежности как таковой, они являются универсальными, экуменическими и всеобъемлющими. Участники холотропных сессий переживают опыт, который может быть отнесен к самым разным религиозным контекстам, в том числе к традиционным культурам и к шаманическим традициям. Фасилитатор приветствует любую форму серьезного духовного поиска, не направляя его и не будучи заинтересованным в выборе определенного направления.

– В настоящее время в обществе можно наблюдать следующую ситуацию. Интерес к измененным состояниям сознания явно возрастает, по мере того, как информация о них становится более доступной благодаря процессам глобализации, в частности, развитию новых информационных технологий (Internet). Происходит это на фоне нарастания конфликтов (на всех социальных уровнях) и усугубления так называемых «гло-

бальных проблем». В связи с этим возникает вопрос: не приблизился ли тот критический момент, когда общество должно претерпеть радикальную трансформацию просто в силу каких-то (видимо, не известных нам) законов эволюционирования? Применима ли метафора «смерти-возрождения» не только к человеческому индивидууму, но и к обществу и цивилизации в целом?

– Некоторые прозрения людей, переживших холотропные состояния сознания, напрямую связаны с темой современного глобального кризиса и его отношения к эволюции сознания. Они показывают, что мы экстеризировали в современный нам мир много ключевых аспектов перинатального процесса, которые человек в ходе личностной трансформации должен встретить лицом к лицу и принять внутри себя. В наше время образы, которые встречаются в визионерских опытах психологического умирания и возрождения, мы наблюдаем вечером по телевизору в программах новостей. Это особенно верно в отношении феноменов, сопровождающих финальную стадию родового процесса (я отношу эти эмпирические паттерны к третьей базовой перинатальной матрице).

Мы видим чудовищный разгул агрессии в многочисленных войнах и революционных переворотах во всем мире, росте преступности, терроризме и беспорядках, возникающих на расовой почве. В той же степени драматичными являются рост сексуальных притеснений и одновременное высвобождение сексуальной энергии в ее здоровых и проблемных проявлениях. Сексуальное поведение приобретает беспрецедентные формы, что выражается в неограниченной подростковой сексуальности, добравшем сексе, либерализации отношения к гомосексуализму, общем промискуитете, открытых браках, большом числе разводов, книгах, театральных пьесах и фильмах с откровенно сексуальным содержанием, садомазохистских экспериментах и т.д.

Демонический аспект также становится все более проявленным в современном мире. Возрождение сатанинских культов и черной магии, популярность книг и фильмов ужасов, связанных с оккультной тематикой, преступления, имеющие под собой сатанинскую мотивацию, свидетельствуют об этом факте. Терроризм фанатиков-фундаменталистов также принимает демонические пропорции. Скатологический аспект, несомненно, выражается в прогрессирующем промышленном загрязнении окружающей среды, накоплении отходов в глобальных масштабах и стремительном ухудшении гигиенических условий в крупных городах. Более абстрактные его формы – рост коррупции и деградация политических, военных, экономических и религиозных институтов.

Многие из тех людей, с которыми нам доводилось работать, видели человечество находящимся в критической точке выбора между коллективным уничтожением и эволюционным скачком в сознании, который имеет беспрецедентные природу и масштаб. Теренс МакКенна высказался по этому поводу предельно кратко: «История глупой обезьяны, так или иначе, закончена». Либо мы пройдем через радикальную трансформацию нашего биологического вида, либо просто не сможем уцелеть. Похоже, что мы все вовлечены в процесс, аналогичный психодуховной смерти и возрождению, которые так много людей пережили на своем опыте в холотропных состояниях сознания.

Если мы будем отыгрывать во внешнем мире деструктивные и саморазрушительные тенденции, берущие начало в глубинах бессознательного, то, несомненно, уничтожим себя и нанесем серьезный урон всему живому на этой планете. Но если мы достигнем успеха в интернализации этого процесса, то результатом может оказаться эволюционное продвижение к состоянию, в котором мы будем заслуженно называться тем именем, что горделиво присвоили своему биологическому виду – *homo sapiens sapiens*. Каким бы утопическим не выглядел этот сценарий, в нем может заключаться наш единственный шанс на спасение.

Корреспондент и редакция МПЖ благодарят **Владимира Майкова** и **Ирину Игнатъеву** за организацию проведения интервью и профессиональное содействие в работе, а также **Викторию Кузьмину** – за ее ценные замечания и соображения, высказанные в ходе подготовки и обсуждения возникших вопросов.

Особая благодарность – **Станиславу Грофу**, за его любезность и внимание, уделенное нашему изданию.